

Анна
Аскельд

Неведомый

ЧЕРНЫМ
БЕЛО

МОСКВА 2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А90

Иллюстрация на переплете *Марии Вой*

Дизайн макета *Дины Руденко*

Дизайн обложки *Кати Петровой*

Аскельд, Анна.

А90 Неведомый / Анна Аскельд. — Москва : Эксмо, 2024. — 448 с.

ISBN 978-5-04-187078-2

Королевство Мегрия продано. Старый король предан собственным сыном, который заплатил высокую цену за корону – тысячи жизней воронов-оборотней в обмен на власть. Удастся ли молодому королю Абнеру ее удержать и отдать долги Тацианской империи? Слепой бог тацианцев, пророк и мученик, некогда ослепленный воронами, собрал под своим знаменем тысячи тахери – убийц и фанатиков. Сможет ли Тит Дага, принявший лордство из рук убийцы своего друга, простить себя за это? И за то, что отдал в заложницы свою дочь? Простит ли его сама Рунд? И кто тот неизвестный, незримый, безликий, который вернет в мир украденную Абнером магию?

Мегрия стоит на пороге раскола и новой войны. Сделает она шаг вперед или отступится?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-187078-2

© Аскельд А., текст, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ГЛАВА 1

ДОМ

Жочь встретила Якоба криками и горьким дымом. Он окутывал задний двор, как наползающий на болота туман, и в нем мерцали такие же дикие огни. Якоб не до конца проснулся и сначала ничего не понял. «Глупый мальчик», — прошептал ветер и бросил под ноги кусок обгоревшего вороньего знамени.

Горт стонал. Красный зверь накинулся на замок — трещали дерево и раскаленный камень, повсюду сновали неясные тени. Якоб натужно закашлял и закрыл рот рукавом ночной рубашки. Помедлив, ступил босыми ногами на снег и тут же угодил во что-то скользкое и теплое. От запаха гари мутило, а голова кружилась — вечером лекарь давал сонное молоко. Якоб наклонился, протянул вперед растопыренные пальцы — и поднял с земли конец тонкой кишки. Такие же вываливались из нутра людей, которых крестьяне приводили в Горт на Урбон. Пар поднимался над свежей требухой, кровь собиралась в жертвенные чаши, и Якоб вспомнил солоноватый привкус на языке.

Вот только Урбон давно прошел.

Якоб взглядом проследовал за натянутой кишкой и, подойдя ближе, узнал в лежащем человеке одного из отцовских воинов. Рыжий Боред смотрел удивленно, будто не мог поверить, что кто-то его одолел. Когда Якоб перед сном выглядывал в окно, Боред стоял в карауле, отхлебывал из фляжки и хохотал, радуясь грядущей войне. «Весной, не раньше» — так сказал отец плачущей матери. Однако, судя по всему, таианцы решили иначе. Кто-то распорол Бореду — от грудины до паха, и все внутренности оказались посреди снега и грязи.

Раздались цокот копыт и дребезжание сбруи — из клубящейся дымной завесы вырвалась перепуганная лошадь и понеслась прямо на Якоба. Он едва успел отступить, поскользнулся и упал, приложившись подбородком о камни. Рот тут же наполнился кровью. Грива у лошади горела, всадник, застрявший ногой в стремях, безвольно волочился по земле и бился головой о камни.

Следом показались двое: один бросился за лошадью, другой, заметив Якоба, приблизился и поднял его за ворот. Черные глаза мужчины обезумели, рот скривился, по серой одежде расплзлись уродливые темные пятна.

— Поднимайся обратно в башню, запишись и никого не впускай. Живо! — и Вальд, один из двенадцати тeneвых воинов отца, толкнул Якоба в грудь и побежал дальше.

Якоб помотал головой, хотя никто на него уже не смотрел, и прикрыл глаза, пытаясь справиться с дурнотой.

Ветер плюнул в лицо снежной крупой и пробрался под тонкую ткань. Плащ и сапоги остались

в комнате лекаря, но Якоб не хотел за ними возвращаться. Надо найти отца. Его знобило — лихорадка забрала все силы из хилого тела, и матушка велела не выходить на улицу еще несколько дней. Она сидела с ним весь вечер, рассказывала сказки — жуткие, такие ему всегда нравились. Но когда Якоб проснулся, стул ее пустовал, а очаг давно погас.

Предчувствие беды скрутилось внутри, вцепилось в кишки разязвленной пастью, и Якоба вырвало желчью.

Шатаясь, он с трудом двинулся вокруг башни. Руки тряслись от страха и холода. Раньше Якоб воображал себя воином, гордо несущим родной стяг над поверженными врагами. Рядом с ним были брат и отец, и они втроем, смеясь, праздновали множество побед. Он грезил битвами, хотя Норвол говорил, что его младший сын не создан для меча. Вероятно, говорил правду. На деле все оказалось хуже, чем в мечтах, и сейчас Якоб обмирал от ужаса.

Ему захотелось помочиться, но остановиться и сделать свое дело он не решился. Боялся, что так и упадет в снег со спущенными штанами, а подняться не сможет. От мысли, что его, замерзшего, найдут в таком виде, опять сделалось дурно. Якоб вспомнил вспоротое брюхо Боредда, и живот снова скрутило — пришлось согнуться и отплеваться. Лоб покрылся испариной и горел. Может, стоило послушаться Вальда? Но Якоб тут же отругал себя за трусость.

Отец говорил, что Горт возводили вороны сильнее их — настоящие исполины, чьи крылья закрывали половину неба, а крик разносился над лесами на многие мили. Люди уважали птиц, и те, в свою очередь, платили добром — защищали земли от неприя-

телей и воинов, порожденных семенем Слепого бога. Древние перевертыши приносили в когтях валуны, усыпающие склоны Трех сестер, и стены Горта росли, превращаясь в гладкий монолит. Надежный замок, воронья цитадель.

— Это наш дом, и ни одному врагу не взять его ни измором, ни мечом, — говорил Норвол, и Якоб верил ему — до сих пор. Но, вероятно, в мире существовали вещи более страшные, чем сталь, только отец об этом не знал.

Закричали в обожженной тьме колокола — Якоб знал их язык, и сейчас они сообщали о беде. Вслед за ними раздалось пение — высокий голос выводил один завет за другим, и Якоб зажмурился, услышав знакомый мотив. «Только не сейчас, — подумал он, — боги, только не сейчас». Призыв накатывал волной — жар окутывал ноги и руки, чтобы потом уступить место боли. Натягивались мышцы, скручивались суставы, ломались кости — и через минуту срастались вновь. Рвалась кожа, сердце стучало все быстрее, быстрее, разгоняя шумящую в ушах кровь. Он с трудом переносил это, будучи здоровым, а вместе с лихорадкой мог не выдержать.

Якоб всегда смотрел на свою тень, чтобы не потерять сознание, — так советовал Генрих, любивший полеты гораздо больше брата. Только не на руки и не за спину, чтобы не обделаться от ужаса. Тень обращалась первой, и ее безмолвный танец завораживал. Генрих всегда был рядом, держал за руку — по привычке Якоб протянул ладонь, но нашупал только скользкий камень. Его тень между тем растянулась, задергалась, сделалась шире, потом длиннее, ступни словно обожгло огнем — и все тут

же оборвалось, схлынуло. Якоб повалился в снег, потряс головой — дан¹ продолжал петь, только ничего не изменилось. Он остался мальчишкой и не на шутку испугался — вдруг боги слышали его и отняли силу, которую сами же и подарили?

Надо найти отца.

Якоб вывалился из-за угла, снова упал и попытался встать на четвереньки. Пальцы на ногах онемели от холода, руки покраснели и опухли. Песня дана оборвалась, и Якоб поднял глаза.

Здесь было светлее: передний двор превратился в горящую каменную яму. Люди, еще стоявшие на ногах, боролись друг с другом в дымовой завесе — не понять, кто нападает, а кто защищается. Их смертельный танец сопровождали крики, лязг и кровь — ночь наполнилась ею, как чаша, и Якоб втянул носом железный запах. Дым окутывал фигуры призрачными плащами и не позволял рассмотреть нашивки. Те, кто проиграл, лежали в тающем снегу — их было куда больше. Якоб дополз до перевернутой на бок телеги и замер. Зубы стучали, язык распух и едва ворочался.

Ступени слева вели в винный погреб, и оттуда доносился жалобный детский плач. Справа ржали лошади, запертые в стойлах. Якоба затрясло, и он подумал, что сойдет с ума от страха.

Надо найти отца.

Отсюда виднелись колокола. Они высовывали длинные железные языки и продолжали молить о помощи. Но вокруг на многие мили были только снег, ночь и враждебные горы, а до ближайшего воеводства — два дня пути. Никто не придет. Зачерпнув

¹ Дан — заклинатель, поющий заветы для того, чтобы вальравны принимали свой вороний облик.

пригоршню снега, Якоб обтер лицо. «Думай», — приказал он себе.

Ворота распахнуты, но через двор ему не перейти — и на ногах-то держался с трудом, — и первый, кто его увидит, сразу же узнает. Якоб мог ползти — он уже косился на погреб, откуда узкий коридор, петляя, вел в нутро Горта. Но ребенок продолжал плакать и мог выдать и себя, и Якоба. Башня над ним была захвачена в огненный плен, и деревянная обгоревшая труха сыпалась на землю. Оставался один путь.

Якоб нашарил под рубашкой перо и с трудом сжал замерзшими пальцами. Пусть боги решат его судьбу. Он уже собрался покинуть свое укрытие и двинуться вперед, но его остановил свирепый крик:

— Что ж вы делаете?

Якоб выглянул. Спиной к нему, занося шестопер для удара, стоял Тит Дага — вассал отца, его названный брат и друг. Алый плащ воеводы порвался и обгорел, но серебряный ворон уцелел. Тит приехал на встречу с кронпринцем среди прочих гостей, более того, именно он охранял его в пути от границы с Мегрией до самого Горта. Якоб пытался увязаться следом за ним — ему прежде никогда не приходилось бывать дальше Равнскёга, древней пущи. Но отец не пустил. Жена Тита, Вела, приехала на прием и была добра к Якобу — он помнил цветочный запах ее духов и мягкие руки. Она привезла с собой дочь — темноглазую кроху, человеческого детеныша. Отец говорил, что ребенок чудесный, но Якоб решил, что ему просто не хочется обижать давнего друга. На его взгляд, девочка была безобразной и чересчур крикливой.

Тит сражался с неприятелем в одиночку.

— Что ж вы делаете? — повторил он свой вопрос и шагнул вперед. Якоб закусил кулак, когда услышал хруст костей. Тяжелое дыхание со свистом вырвалось из проломленной грудины.

Тит отступил в сторону и покачнулся. Якоб испугался, что мужчина уйдет или, хуже того, ранен и умрет раньше, чем он найдет отца.

Он поспешно выполз на свет, вцепился в тележный борт и с трудом поднялся на ноги. Тит хрипло дышал и все вытирал рукой лицо, бормоча что-то невнятное.

— Где мой отец?

Тит вздрогнул и обернулся — Якоб увидел лицо, покрытое копотью и кровью. Темная борода Тита дымилась, и через голову тянулся безобразный, в палец шириной, ожог. Обычно приветливое, теперь выражение его лица сделалось звериным — сейчас Дага напоминал монстра больше, чем гравюры в книгах наставника Пельца. От неожиданности Якоб отшатнулся, и взгляд его сместился на умирающего. Тени скользили по бледному лицу, и пепел, кружась, осыпался на развороченную грудь. Но воин был еще жив. Скорее почувствовав, чем увидев Якоба, повернул к нему лицо — и пламя осветило зеленые глаза. Живот сделался тяжелым, будто в него разом насовали горячих камней. По ноге потекло что-то теплое, и Якоб со стыдом понял, что обмочился.

Он попятился, оскальзываясь в кровавом снегу. Но воевода, глянув ему за спину, поспешно шагнул вперед.

— Нет. — Тит сделал еще шаг и протянул испачканную в вороньей крови руку. — Якоб, нет! Идем со мной, Якоб!

Двор снова закружился, и Якоб упал. На этот раз он был уверен, что уже не сможет подняться. «Какая глупая смерть», — успел подумать он, и тут же раздался истошный крик. Тит остановился — его шестопер угрожающе блестел в отсветах пламени.

— Нет, — повторил он, — пожалуйста!

Лишь когда его рот закрыла грубая холодная рука, Якоб понял, что все это время кричал он сам.

— Нам пора.

Запахло требухой, кострами и хвоей — и мир Якоба погрузился во тьму.

Иногда Якоб приходил в себя и тогда видел, как мимо проносилось снежное поле. Мертвый багульник протягивал сухие руки-ветви к небу, по бокам темными полосами тянулся лес. Свистел в ушах ветер, но больше не кусался — руки согрелись под чужим плащом. Однако ноги ниже колена растворились в пустоте. Якоб успел испугаться прежде, чем лихорадка снова отобрала его сознание.

Сон был короткий и тревожный, но яркий: Якоб летел над землей и видел скользящую тень от гигантских крыльев, которых у него никогда не было. Он был исполином и мог сражаться. Якоб торопился — внизу мелькали пастбища и деревни, крепости, замки и горы, и почему-то очень важно было преодолеть Совиный перевал, а там...

Отец склонился над ним и сжал в руках лицо. Похлопал по щекам, довольно хмыкнул и ударил снова, только сильнее. Якоб моргнул раз, другой, и лицо отца исчезло, оставив вместо себя Вальда. Над ними

не было огненных всполохов — лишь зимнее небо, усыпанное звездами. Колокольный звон смолк, только шумел растревоженный подлесок и журчал Нест. Увидев, что Якоб жив и дышит, пусть и с трудом, теневой воин улыбнулся.

— Самое страшное позади.

Якоб не согласился с ним — ноги по-прежнему не двигались, сколько ни пытайся. Он резко сел, отбросил плащ Вальда и с облегчением увидел, что они на месте — только несколько пальцев потемнели. Сглотнул вязкую слюну и снова запахнул ткань. С этим можно разобраться позже. Жадно втянул носом свежий воздух.

— Где мой отец? Что произошло?

Вальд сидел на поваленном дереве и хмуро разглядывал пылающее над Гортом небо. Казалось, что кто-то проделал дыру в небесной ткани и острые шпили башен окрасились в золото и багрянец. Багряная ночь. Кожаный камзол Вальда покрывали царапины и дыры, а пряди темно-русых волос слиплись от крови и грязи. Дрожащими пальцами Вальд вытянул из-за ворота цепочку и долго рассматривал ворона. Вращал его, после поцеловал и спрятал под рубашкой. Вальд молчал, и это молчание было громче любых слов. Мужчина запрокинул голову, словно пытался найти ответ среди далеких звезд. Потом обернулся к Якобу и положил руку на оголовье меча. Черный клинок Норвола — Вальд спас и его.

— Когда мы вернемся назад? И где... — Тут голос подвел Якоба и сорвался. — Где все?

— Горт пал, — ответ Вальда звучал слишком спокойно для такой новости, — мне очень жаль.

Якоб увидел слезы в глазах воина и разолился.

— Что значит — пал? Жаль? Почему мы ушли оттуда? А как же мой отец? Мама и брат? Мы должны вернуться!

Я вернусь сам, если ты трусишь, — лицо его вспыхнуло от гнева. — Где твой конь?

— Они умерли еще до того, как я нашел тебя, Якоб. Король Стеврон нас предал. Его сын напал ночью и сам открыл ворота подоспевшим войскам. Вот. — Вальд что-то достал из-за пазухи и развернул синее полотно. Рысь Мегрии равнодушно посмотрела на Якоба.

Якоб ударил Вальда по руке, и знамя, подхваченное ветром, ринулось прочь. Его семья была мертва, какое ему дело до жалкой тряпки! Его семья умерла. Якоб сжал голову, и гнев заклокотал в нем.

— Все равно мы должны вернуться, — упрямо повторил Вальду, который поднялся на ноги и теперь нервно озирался. Снег еле слышно хрустел под его осторожными шагами. — Мы должны защищать Горт — пусть даже умрем, не страшно. Ты обещал сражаться за меня, за всех нас! Ты давал клятву.

— Я давал клятву, — не стал спорить Вальд, — и я сдержу ее. Я буду защищать Шегеш, мой князь. Но наш дом утерян. Нас убьют сразу же, стоит покинуть этот лес. К счастью, у меня есть другой план.

Якоб не успокоился, но замолчал. Отец называл Вальда толковым и надежным парнем и поставил во главе дюжины теневых воинов, своей личной охраны. Он дал ему испить вороньей крови перед ликами богов и принял клятву под сенью Равнскёга. Если у Вальда есть план, значит, еще не все пропало.

Вальд еще раз огляделся по сторонам и присел рядом. От него пахло дымом и ржавчиной, а еще — страхом. Он пропитал Вальда так, как если бы был

признаком тяжелой болезни — гноем, сочащимся из ран. Струпьями, отравляющей воздух вонью. Вальд молчал слишком долго, и Якоб всматривался в его искаженное мукой лицо. Воин словно боролся с чем-то, причинявшим ему страдания. А после, закрыв глаза, едва заметно кивнул, будто соглашаясь с самим собой.

Помедлив, Вальд достал фляжку, открутил крышку и поднес к губам Якоба. В нос ударил резкий запах забродивших ягод.

— Выпей. Вино согреет и уменьшит боль. Все будет хорошо. — Вальд криво улыбнулся, но взгляд его при этом остался колючим, как зимний ветер.

Якоб прежде никогда не пил — Норвол говорил, что он слишком мал для взрослого стола. Вино оказалось кислым и обожгло гортань, но Якоб послушно сделал пару глотков. Зажмурился, помотал головой и едва удержался от того, чтобы натолкать в рот снега. Выступили слезы, но в груди потеплело.

— Ну и гадость. — Голос осип, и Якоб закашлялся. — И куда мы отправимся дальше?

— Каждый своей дорогой.

Вальд ударил его так, что щека загорелась, а сам Якоб опрокинулся в сугроб. От неожиданности он не понял, что случилось, а когда захотел сесть, на грудь ему опустилась нога Вальда. Деревья шептались, полные злорадства, звезды равнодушно смотрели на него с холодного зимнего неба.

— Тсс. Полежи, юный княжич. Отдохни, соберись с мыслями. Посмотри вокруг и скажи мне, что ты видишь?

Якоба трясло от жара и гнева, он ощупал лицо и с ужасом понял, что по щекам текут слезы — не кровь. Неужели отец и Генрих тоже плакали перед смер-

